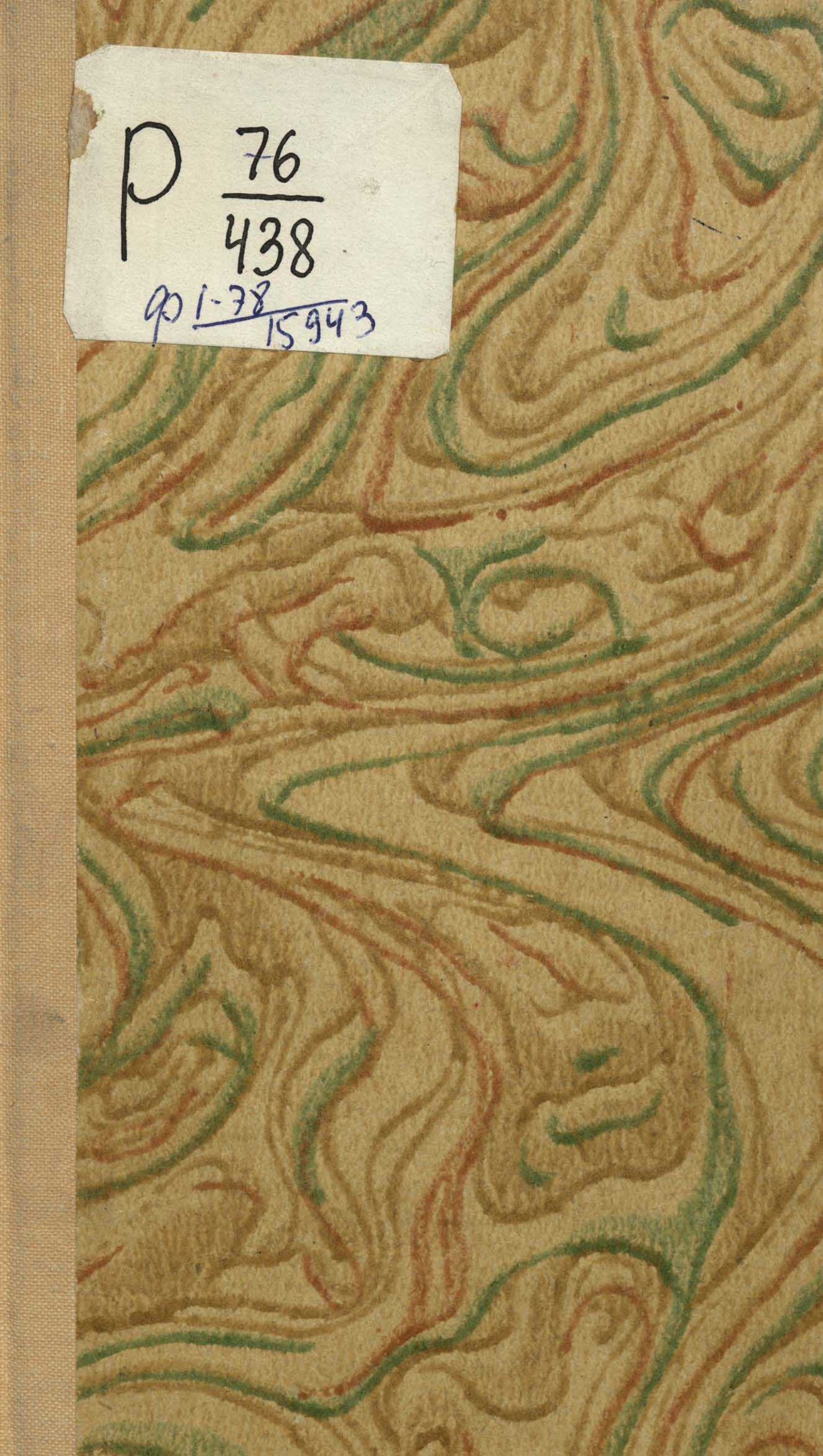

P 76/438
90 1-78/15943

Игорь-Северянин.

ИНТУИТИВНЫЯ КРАСКИ

НЕМНОГО СТИХОВЪ.

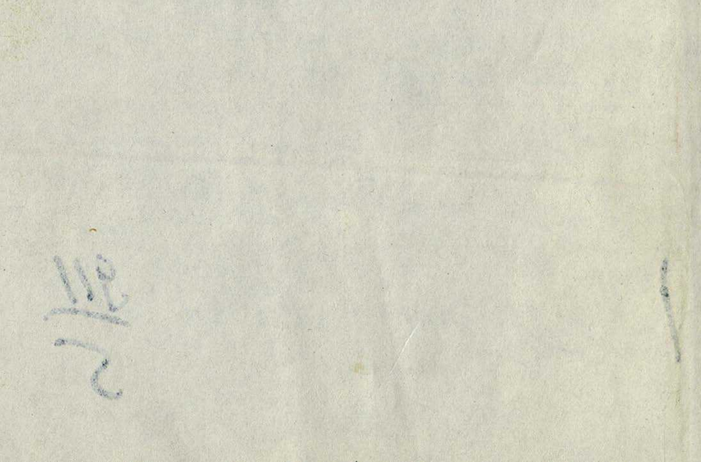
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Флейтмана, Казанская, № 45.
1909.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый 1970 г.
1							911/5

4

863/7–62000

Интродукція.

А. П. Каменскому.

Не было, можетъ быть, этого?
Можетъ быть, это и было?..
Тайна пруда фіолетова,
Мѣсяцъ—что̀ солнце безъ пыла.

Кто-то, какъ нимфа загадочный,
Въ тальмѣ, какъ страсть безпорядочной,
Дышетъ въ лицо мнѣ гвоздикой
Съ улыбкой восторженно дикой...

Хочется мнѣ ненасытнаго,
Этого тайнаго *этого*...
Мѣсяца звѣздносвитнаго!
Воды, гдѣ глубь фіолетова!..

1909. Январь.

*
* *

„Есть въ небѣ садъ невянущій
Для дѣтскихъ душъ, для радостныхъ"...
М. Лохвицкая.

Она (обнимая его и цѣлуя):
О, другъ мой... Сегодня—блаженству предѣлъ:
Отнынѣ любви нашей мало двухъ тѣлъ...
Ты понялъ?
Онъ (сердце догадкой волнуя):

Дитя отъ ребенка!.. Устрой мнѣ! устрой...
Ты мать мнѣ замѣнишь; ты будешь сестрой.
(Цѣлуются долго, другъ друга чаруя).
... Она машинально смотрѣла въ окно:
По улицѣ—въ шляпѣ съ проваломъ мужчина
Несъ розовый гробикъ...

... „Сильна скарлатина",
Читалъ мужъ въ газетахъ,—и стало темно.
Она (обращаясь къ предчувствію): Боже?!
Онъ бросилъ газету и думаетъ *то же*...
И каждому кто-то шепнулъ: Рѣшено.

1909. Октябрь.

Миньонеты.

I.

Твои уста—качели лунныя,
Качели грезы...
Взамѣнъ столбовъ двѣ ручки юныя,
Какъ двѣ березы.
Сольемъ въ дуэтъ сердечки струнныя—
Віолончели...
Люблю уста, качели лунныя,
Твои качели!

1909. Сентябрь.

II.

О. Ѳ.

Гудятъ погребальные звоны...
Какъ жутко ты мнѣ дорога!..
Мечтаю ль,—лунятся лимоны;
Заплачу ль,—пушатся снѣга.
Плывутъ монотонные стоны,
Мѣняя въ пути берега...
И гдѣ-то лунятся лимоны,
И гдѣ-то пушатся снѣга...

1909. Февраль.

* * *

Какъ въ пещерѣ костеръ, запылаетъ каминъ...
И, звонокъ оправдавъ,—точно роза въ снѣгу,
Ты войдешь, серебрясь... Я—прости, не могу...—
Зацѣлую тебя... какъ идею браминъ!
О! съ мороза дитя—это роза въ снѣгу.

Сладострастно вопьетъ бархатъ пестрой софы,
Онъ вопьетъ перламутръ этихъ формъ... онъ вопьетъ!
Будь моею, ничья!.. Лью въ бокалы строфы,
Лью восторгъ черезъ край,—и бокалъ запоетъ...

А бокалъ запоетъ—запоетъ кабинетъ,
И камина костеръ, и тигрица—софа...
Опьяненье не будетъ тяжелымъ,—о, нѣтъ:
Гдѣ *вино внѣ вина*—жить и грезить лафа!

1909. Октябрь.

Градъ.

Дарю *Дорину-Николаеву.*

Качнуло небо гнѣвомъ грома,
Метнулась молнія,—и градъ
Въ водѣ запрыгалъ у парома,
Какъ серебристый виноградъ.

Вспорхнула искорка мгновенья,
Когда іюль дохнулъ зимой—
Для новыхъ думъ, для вдохновенья,
Для невозможности самой...

И поднялъ я бокалъ высоко,—
Блеснули мысли для наградъ...
Я пилъ вино,—и въ грезахъ сока
Въ моемъ бокалѣ таялъ градъ.

1909. Августъ.
Мыза „Ивановка“.

На строчку больше, чѣмъ сонетъ.

Н. Гумилеву.

Къ ея лицу шелъ черный туалетъ...
Изъ палевыхъ тончайшей вязи кружевъ
На скатахъ плечъ—подобье эполетъ...
Ея глаза, весь міръ обезоруживъ,
Влекли къ себѣ...

Садясь въ кабріолетъ
По вечерамъ, напоеннымъ росою,
Она кивала мужу головой
И жаждала душой своей живой
Упиться нивъ вечернею красою.

И вздрагивала лошадь, подъ хлыстомъ,
Въ сиреневой муаровой попонѣ...
И кленъ кивалъ израненымъ листомъ.
Шуршала мгла...

Придерживая пони,
Она брала перо, фантазій стражъ,
Безсмертя мглы дурманящій миражъ...

1909. Августъ.
Мыза „Ивановка“.

Весна.

Вечеръ спалъ, и ночь на сѣнѣ
Ужъ расчесывала кудри.
Одуванчики, всѣ въ пудрѣ,
Помышляли объ измѣнѣ.

Шелъ я къ ночи,—ночь навстрѣчу,
Повстрѣчалися безъ рѣчи...
—Поцѣлуй...—„Я не перечу"...
И—опять до новой встрѣчи.

Шелъ я дальше. Незнакомка
Улыбалась мнѣ съ поляны.
Руки гнулись, какъ ліаны,
И она смѣялась громко.

Вмѣсто глазъ синѣли воды
Обольстительнаго юга,
Голосъ страстный пѣлъ, какъ вьюга,
А вкругъ шеи хороводы

Заводили гіацинты
Съ незабудками съ канавокъ...
Я имѣлъ къ миражамъ навыкъ,
Зналъ мечтаній лабиринты,—

И пускай, кто хочетъ, труситъ,
Но не мнѣ такая доля.
И сказалъ я: „дѣва съ поля,
Кто же имя дѣвы вкуситъ?"

Уже, уже нить лѣсная,
Комаровъ порхаютъ флоты...
Тутъ ее спросилъ я: „кто ты?"
И прозвякала: Весна—я!

1909. Іюнь.

Подъ настроеньемъ чайной розы.

1. Октава.

Отъ вздоховъ папиросъ вся комната вуалевая...
Свой абрисъ набросалъ на книгѣ абажуръ.
Въ вазеткѣ на столѣ тоскуетъ роза палевая,
И вѣтерокъ ее колышетъ, весь ажуръ.
Пугаетъ холодокъ... А вдохновенье, спаливая,
Зоветъ меня въ лѣса изъ копоти кануръ.
Я плащъ беру и вѣрный хлыстъ
И чайной розы сонный листъ.

2. Газэлла.

И все мнѣ доносится чайная роза...
Зачѣмъ тосковала такъ чайная роза?

Ей въ грезахъ мерещились сестры пунцовыя...
Она сожалѣла ихъ, чайная роза.

Ее обнадежили тучи свинцовыя...
О! влага живительна, чайная роза.

Дыханьемъ поила закаты лиловые
И лепеты сумерекъ чайная роза...

Въ груди ея таяли чаянья новыя...
Ихъ пѣла случайная чайная роза.

1909. Іюнь.
Мыза „Ивановка“.

Хабанера.

Синьоръ Za.

Вонзите штопоръ въ упругость пробки,—
И взоры женщинъ не будутъ робки!..
Да, взоры женщинъ не будутъ робки,
И къ знойной страсти завьются тропки...

Плесните въ чаши янтарь муската
И созерцайте цвѣта заката...
Раскрасьте мысли въ цвѣта заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщинъ, теряйте мысли...
Счетъ поцѣлуямъ—пойди, исчисли!..
А къ поцѣлуямъ финалъ причисли,—
И будетъ счастье въ удобномъ смыслѣ!..

1909. Сентябрь.

Изъ Шарля Бодлэра.

Креолка.

Сонетъ.

„Au pays parfumé que le soleil caresse“...

Гдѣ ласковъ лучъ, въ странѣ благоуханной
Я зналъ подъ пестрымъ куполомъ дерёвъ,
Гдѣ все полно какой-то нѣги странной,
Царицу чаръ, креолку, дочь лѣсовъ.

Атласъ лица и смуглый и горячій;
Гордъ очеркъ шеи: власть она хранитъ;
Изящный бюстъ весь вылѣпленъ удачей;
Въ улыбкѣ—зыбь; въ глазахъ ея—гранитъ.

О, къ Вамъ бы шелъ и малахитъ Луары
И Сены гладь—какъ изумруды прерій...
Украсьте замки, гнѣзда суевѣрій,
Въ тѣни аллей будите Ваши чары,

Сотките сѣть сонетовъ для поэта,—
Вашъ взглядъ одинъ властнѣе глазъ дуэта!..

1909. Іюнь.

Мыза „Ивановка“.

Сказка сиреневой кисти.

Пастель.

Напѣвая лунные ноктюрны,
Бредилъ Май о призрачной вакханкѣ,
Охлаждалъ свой жаръ росой изъ урны,
И скользили ножки, точно санки,
Порошею бѣло-яблоновой,
Скованы желанья знойнымъ хмелемъ...
И блистая бѣлизной слоновой
Ровныхъ зубокъ, шепчетъ ночь: „постелимъ
Свадебное ложе на полянѣ,
Набросаемъ ландышей, азалій
Тамъ, гдѣ бродятъ вдумчивыя лани,
Тамъ, гдѣ мы впервые разсказали
Сердцемъ сердцу смутныя волненья,
Ожидая тщетно выполненья,
Какъ шаговъ невыясненныхъ въ залѣ“...
Тутъ луна скользнула въ аметистѣ
Глазъ царицы, скрытой соннымъ тюлемъ,—
И вспорхнули грезы Мая ульемъ,
И впились въ сиреневыя кисти...

1909. Октябрь.

Полярные пылы.

Снѣговая поэма.

Влюбленная въ Сѣверный Полюсъ Норвегія
Въ гордой застыла дремотѣ.
Лѣнивые лоси! вы, серебро-пѣгіе,
Льдяное пламя поймете...
И тамъ, гдѣ сливается съ снѣгомъ медвѣдица,
Греза ея постоянна...
Блѣднѣя экстазомъ, соннамбулой свѣтится
Также, какъ д'Аркъ Іоанна.
Не быть Сѣверянкѣ любовницей Полюса:
Полюсъ—безплотенъ, какъ греза...
Стремленья объ иглы лѣсовъ укололися...
Гаснетъ ея аріозо...
Морей привидѣнія—глыбы ледяныя—
Точатъ насмѣшливо лязги...
И марева сыплютъ пророчества рдяныя
Волнамъ въ сердитой припляскѣ...
Духъ Полюса чутко тревожитъ элегія,—
Онъ воплощается въ нотѣ...
И гордо вздыхая обманомъ, Норвегія
Вновь застываетъ въ дремотѣ.

1909. Октябрь.

Бѣлая улыбка.

Мистическая поэма.

„Ты помнишь?—Въ средніе вѣка
Ты былъ мой властелинъ“...
М. Лохвицкая.

I.

Есть въ лѣсу, гдѣ шелковыя пихты,
Дней былыхъ охотничій дворецъ.
Есть о немъ легенды. Слышать ихъ ты
Если хочешь, вѣрь, а то—конецъ!..
У казны купилъ дворецъ помѣщикъ,
Да полвѣка умеръ онъ ужъ вотъ;
Послѣ жилъ лѣтъ семь старикъ-объѣздчикъ,
А теперь никто въ немъ не живетъ.
Разъ случилось такъ: собралось трое
Насъ, любившихъ старые дома,
И, хотя мы были не герои,
Но легендъ истлѣвшіе тома
Вызывали въ насъ подъемъ духовный,
Обостряли нервы до границъ;
Сердце билось пѣснею неровной,
И отъ жути взоръ склонялся ницъ.
И пошли мы въ темные покои,
Подъ лучами солнца, какъ щита.
Намъ кивали бѣлые левкои
Грустно вслѣдъ, свѣтлы какъ нищета.
Долго шли мы анфиладой комнатъ,
Удивленно слушавшихъ шаги;
Да, покои много звуковъ помнятъ,
Но, какъ звякнутъ,—въ сторону бѣги!..

На широкихъ дѣдовскихъ диванахъ
Присѣдали мы,—тогда въ углахъ
Колыхались на обояхъ рваныхъ
Паутины въ солнечныхъ лучахъ.
Усмѣхались намъ каріатиды,
Удержавъ ладонью потолки.
Въ ихъ глазахъ—застывшія обиды;
Только устъ дрожали уголки...
Но одна изъ этихъ вѣчныхъ статуй
Какъ-то странно мнилась мнѣ добра;
И смотрѣлъ я, трепетомъ объятый,
На нее, молчавшую у бра.
Жутко стало мнѣ; но на порогѣ,
Посмотрѣвъ опять изъ-за дверей,
Я ее увидѣлъ,—весь въ тревогѣ,
Догонять сталъ спутниковъ скорѣй.
Долго-долго бѣлая улыбка
Бѣлыхъ устъ тревожила меня...
Долго-долго сердце шибко-шибко,
Шибко билось, умереть маня...

II.

На чердакъ мы шли одной изъ лѣстницъ,
И скрипѣла лѣстница, какъ кость.
Ждали мы таинственныхъ предвѣстницъ
Тѣхъ краевъ, гдѣ греза наша—гость.
На полу—осколки, хламъ и ветошь,
Было сорно, пыльно; а въ окно
Заглянуло солнце... Ну, и свѣтъ ужъ
Лило къ намъ насмѣшливо оно!
Это было солнце не такое,
Какъ привыкли солнце видѣть мы—
Мертвое, въ задумчивомъ покоѣ,

Иначе блеститъ оно для тьмы;
Этотъ свѣтъ не грѣетъ, не покоетъ,
Въ немъ безсильный любопытный гнѣвъ.
Я молчу... Мнѣ страшно... Сердце ноетъ...
Каменѣютъ щеки, поблѣднѣвъ...

III.

Это—что? откуда? что за диво!
Смотримъ мы и видимъ—у трубы
Перья... Кровь... Въ окно кивнула ива,
Но молчитъ отчаяньемъ рабы.
Бѣлая, какъ снѣгъ крещенскій, птица
На сырыхъ опилкахъ чердака
Умирала тихо... Съ ней проститься
Присланъ былъ я кѣмъ издалека?..
Разумъ мой истерзанъ былъ, какъ перья
Снѣжной птицы, умерщвленной кѣмъ?
Въ этомъ домѣ, царствѣ суевѣрья,
Я молчалъ, догадкой сердца нѣмъ...
Вдругъ улыбка бѣлая на клювѣ
У нея расплылась, потекла...
Умъ застылъ, а сердце, какъ Везувій,
Затряслось,—и въ рамѣ два стекла
Дребезжали отъ его біенья
И звенѣли, тихо дребежжа...
Я внималъ въ гипнозѣ упоенья
Хлыстикамъ полившаго дождя.
И казалось мнѣ, что съ пьедестала
Отошла сестра каріатидъ
И бредетъ по комнатамъ устало,
Напѣвая отзвукъ панихидъ.
Вотъ скрипятъ на лѣстницѣ ступени,
Вотъ хрипитъ на ржавой мѣди дверь...

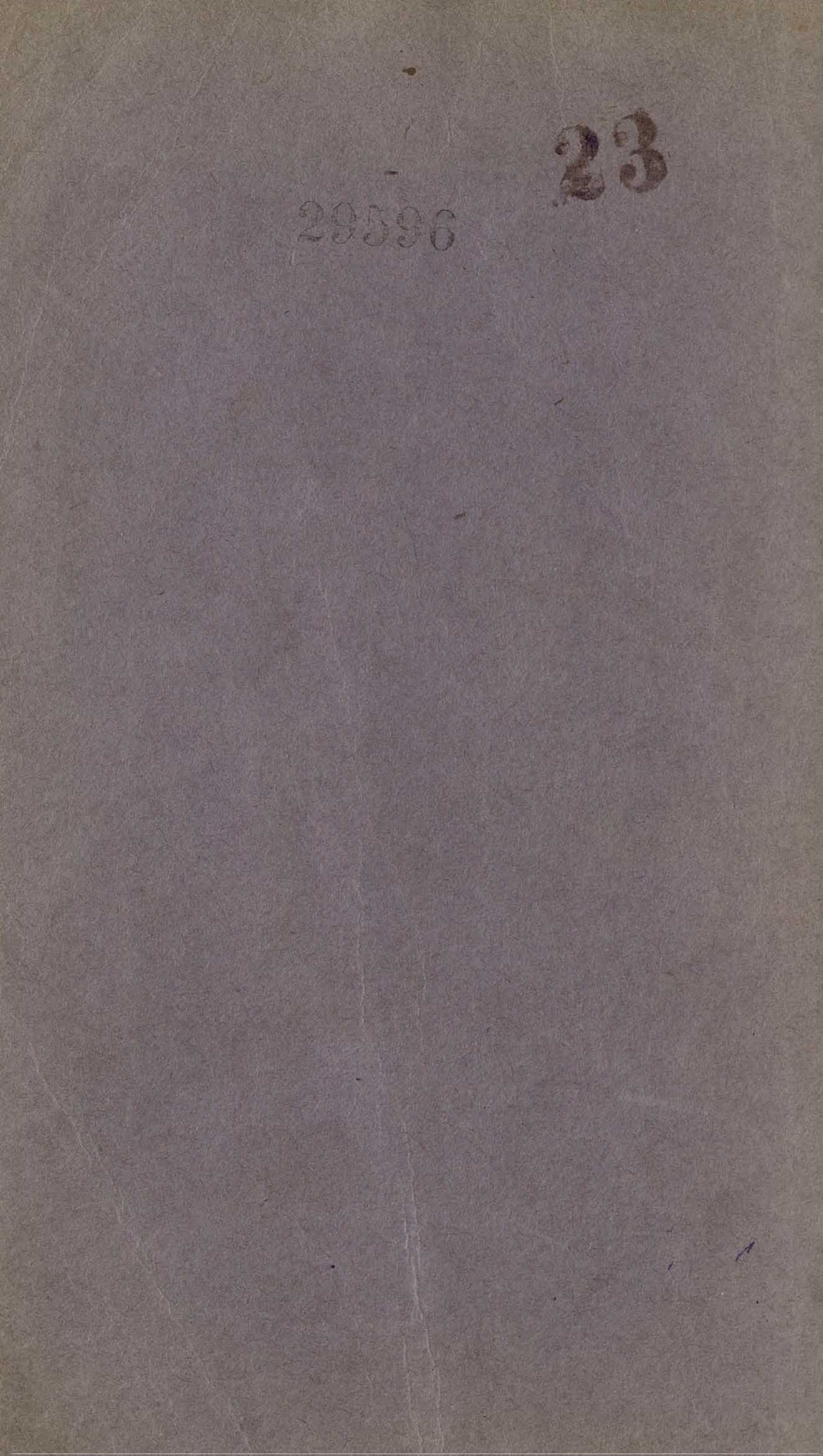
И въ глазахъ лилово,—отъ сирени,
Иль отъ страха, знаю-ль я теперь!..
Какъ нарочно, спутники безмолвны...
Гдѣ они? Не вижу. Гдѣ они?
А вдали бушуютъ гдѣ-то волны...
Сумракъ... дождь... и молніи огни...
—Защити! Спаси меня! Помилуй!
Не хочу я бѣлыхъ этихъ устъ!...—
Но она ужъ близко, шепчетъ: „милый“...
Этотъ мертвый звукъ, какъ бездна, пустъ...
Каюсь я и вижу—крѣпнетъ солнце,
Все властнѣе вспыхиваетъ лучъ
И ко мнѣ сквозь мокрое оконце,
Какъ надежда, свѣтитъ изъ-за тучъ.
Все бодрѣй, ровнѣй біенья сердца,
Веселѣетъ быстро всё кругомъ.
Я бѣгу... вотъ лѣстница, вотъ дверца,—
И разстался съ домомъ, какъ съ врагомъ.

IV.

Какъ киваютъ мнѣ любовно клены!
Какъ смѣются розы и сирень!
Какъ лужайки весело-зелёны,
И тюльпановъ каски набекрень!
Будьте вы, цвѣты, благословенны!
Да сіяй во-вѣки солнца свѣтъ!
Только тѣ спасутся, кто нетлѣнны!
Только тотъ прощенъ, кто далъ отвѣтъ!..

1909. Іюль. „Ивановка“.
Охотничій дворецъ.

Игорь-Сѣверянинъ.

23
29596

2015188717